

5.2.4. Структура государства и общества

по сведениям грамот Вакатаков.

Использование комплекса надписей определенного периода (маурийская эпиграфика, эпиграфика времени Гуптов) для постановки исторических проблем в индологии - обычное явление. Мы вполне имеем право выделять комплексы надписей, используя их, как сложные источники, исходящие из единых (хотя бы в общих чертах) представлений об обществе и его организации, определенным, сходным образом отражающие реальность, хорошо известную их авторам и читателям. Корректность такого допущения особенно показательна в отношении использования дарственных грамот Вакатаков - она в силу ряда причин (значительная общность содержания, общие цели составления, датировка и пр.), как нам представляется, не вызывает сомнения.

Исследование дарений Вакатаков представляет собой особый интерес, поскольку комплекс их (известны 32 грамоты) является одним из наиболее крупных среди ранних источников такого рода. Все они имеют значительное сходство, довольно четко в рамках каждой надписи выделяются целый ряд частей, рубрик, которые обычно представляют, как формуляр грамоты. Свидетельства грамот Вакатаков нередко используются для характеристики эволюции социально-политической и социально-экономической истории Индии в переходный период от древности к средневековью. Дарения в их традиционной для историографии интерпретации указывают, по мнению исследователей на важные процессы изменений в социально-политической структуре общества того времени, в сфере земельных отношений, собственности и т.д. Однако более подробное их рассмотрение заставляет задуматься о справедливости целого ряда, ставших уже привычных для работ о раннем средневековье положений.

Анализ уведомлений и заключительных частей грамот позволяет утверждать, что в дарениях Вакатаков не зафиксированы упоминания представителей специальной администрации. Централизованное государство, постепенный его упадок и переход земельной собственности в руки *чиновников* к концу периода древности (*феодализм сверху*, идея выдвинутая Д.Д.Косамби и поддерживаемая Р.Ш.Шармой) - характерные черты пути развития индийского общества и государства, отмечаемые во многих индологических работах. Но стереотипное понимание государства, где в качестве эталона принимается идеологический образ европейского государства нового времени (*государственный аппарат, административная машина* и т.п.), очевидно, неприменим к древним государствам. Административно-бюрократическая система (а, именно так большинство индологов представляют древнее государство) не зафиксирована в *Артхашастре* Каутильи, в эпиграфике Маурьев и Гуптов, правителей крупнейших государств древней Индии (аналогично, как свидетельствуют источники, можно характеризовать государства Сатаваханов, Кушан и др.) Единством какого рода были древние государства, каковы были причины их появления, структура и логика их организации, эволюции и т.д. - без решения этих проблем, как нам представляется, понимание общих путей развития индийского общества остается недостаточным. Держава Вакатаков, как и Гуптов - рассматривается, обычно, как крупное мощное государство, падение которого в VI в.н.э. знаменует собой начало периода раздробленности. Поэтому, исследователи, анализируя свидетельства эпиграфики, Вакатаков пытаются воссоздать характерные черты государства последних, его административно-территориальной структуры, государственного аппарата и системы налогообложения.

Однако если отвлечься от модернизированной интерпретации ряда терминов (толкуемых, как административно-территориальные), структура державы Вакатаков приобретает

характерный аморфный вид. Обилие таких терминов, несмотря на отдельные попытки (см., например, 131a), несводимых в единую систему, позволяет подозревать, что особой унифицированной административно-территориальной структуры государство Вакатаков просто не знало. Пространственная ориентация дарения (а именно в этой рубрике присутствуют все термины толкуемые таким образом), чаще всего, содержит термины двух типов - чисто географические и указывающие на принадлежность даруемой территории. Первые - к ним мы относим термины mārga (упомянут 12 раз), paṭṭa¹ (четыре раза) и kaṭaka² (три раза), не подразумевают особого *административно-территориального* значения, несмотря на традиционную их интерпретацию (*дистрикт* и т.п.) и, скорее всего, просты и однозначны³. Возможно, второй и третий термины являлись, одновременно, обозначениями общинных объединений. Традиционный для литературных источников термин gāṣṭra, *область*, (встречается один раз) можно считать примыкающим к указанной группе. Иные же - характеризуют, скорее, форму владения определенной территорией и свидетельствуют о том, что *держава* Вакатаков представляла собой, по большей части, весьма неоднородное объединение территорий, находившихся в различной степени зависимости от *центра*, т.е. Вакатаков. В качестве таковых присутствуют обозначения различных *владений* (bhoga - два раза, bhukti - три раза и āhāra - три раза), присутствуют даже царства (rājya, их упомянуто четыре). К ним можно, видимо, относить и термин bhāga (Lohanagara-bhage Varadakheta-marge Aśvatthakhetake, *в деревне Ашваттхакхетака, по дороге в деревню Варадахета, в части [принадлежащей] городу Лоханагара*). И в трех случаях мы можем дать только предположительное толкование. Термин Chandra-pura-saṅgamikā можно интерпретировать, как обозначение предместья или указание на направление к городу Чандрапура, а Vamśivāhalī как название деревни, термин же ṣaḍgṛśaka, пока остается неясным.

Сравнительный анализ формул уведомления и заключительных частей грамот, позволяет, соответственным образом, судить и об особенностях административной структуры государства Вакатаков. Постоянно присутствуют в грамотах лишь военачальник (senapati) и писец. Причем, вряд ли можно считать термин senapati обозначением особой должности. Всего при Праварасене II за 21 год упомянуто 5 военачальников. И они, скорее всего, не сменяли друг друга - так Баппадева упомянут в грамотах от 18, 25 и 26 годов правления Праварасены II, хотя в грамоте от 23 года фигурирует иной военачальник, Намидаса. Присутствие военачальников в грамотах, очевидно, объясняется механизмом оформления последних - царь поручал оформление большинства дарений своему ближайшему окружению, в данном случае - военачальникам, которые исполняли далеко им не свойственные функции, как поручения господина. Поэтому в двух грамотах обозначены писцы, бывшие слугами военачальников (senapatisantaka), а в двух случаях, когда текст писался по прямому приказу царя (svayaṁ ājñā) записывали его назначенный царем (rājyādihikṛtena=rājādihikṛtena) Чандасена и rajuka Коттадева.

Нет возможности утверждать и о существовании особой должности *царского писца* - все грамоты (за исключением одного случая, хотя две грамоты из Мандала, скорее всего, являются одним документом) записаны разными писцами, в том числе, в двух случаях - *слугами военачальников*. Достоин особого упоминания и случай, когда гравировщик одной из грамот именуется *слугой Каундараджи* (Kaunḍarājasantaka), т.е., другого царя (!).

Формула уведомления, в отличие от заключительной части, чаще всего имеет вид абстрактного обращения устойчивой формы. Обычно (в 20 из 25 случаев) она выглядит так: *Поэтому слуги, назначенные из благородных для объездов по [нашему] повелению, наблюдающие за всем согласно данным поручениям, воины, носители зонты [и другие], которые должны выполнять ранее выслушанные приказы - пусть вам будет известно!* Толковать эту формулу и, в частности, термин sarvādhyakṣa, изобретая *универсальных чиновников, надзирателей за всем*, очевидно значительное преувеличение (тем более что адхьякши и в *Артхашастре* не чиновники). Скорее её следует понимать, как абстрактное

обращение ко всем подданным, т.е., прежде всего, к лицам, обладающим властью, хотя и являющимся одновременно *слугами* царя (как и в текстовой традиции, *слуга* здесь – понятие очень широкое, от прислуги до подчиненного правителя). Это позволяет предполагать, что грамоты Вакатаков, также, как и грамоты из Багха, составлялись, главным образом, с целью уведомления, суть их – сводится к самой процедуре, к обращению⁴ ко всему иерархизированному обществу не препятствовать дарению. Несколько иной смысл, поэтому, приобретает все содержание грамот (например, *льготы* или *иммунитеты*⁵).

Уведомление из грамоты Девасены более конкретно, хотя по смыслу близкое обычному: *Должно быть сказано нашим передвигающимся слугам-правителям-военачальникам*. В двух случаях обычная формулировка дополняется фразой: *Должно быть сказано всем домовладельцам-кутумбинам жителям деревни во главе с брахманами*, и в трех случаях аналогичная формулировка заменяет обычную.

Анализ эпиграфики Вакатаков вынуждает задуматься и о путях эволюции социально-экономического устройства общества Индии на рубеже древности и средневековья. Появление уже в первых известных нам грамотах т. наз. *иммунитетов* однозначно толкуется индологами как отражение процесса феодализации общества и, прежде всего, государственного аппарата. Получателю дарения передавались (согласно такой интерпретации) важные права административного и фискального характера, которыми ранее обладало только государство. Исследования *Артхашастры* и эпиграфики позволяют сомневаться в достоверности таких представлений – древнее государство не могло передавать то, чем, в сущности, не владело. Оно никогда не претендовало и не могло претендовать на всю полноту административной власти в деревнях на своей территории, общегосударственной фискальной системы просто не существовало. Анализ же эпиграфики Вакатаков позволяет сомневаться и в правильности интерпретации смысла *иммунитетных формул дарений*.

Даже не вдаваясь в дискуссию по поводу интерпретации терминологии *иммунитетных формул*, нетрудно заметить, что абсолютное большинство грамот (18 из 21) использует одни и те же 9 терминов следующих в строго определенном порядке. Если перечисление начинается со второго (грамоты из Мандала А, Б), то первый приводятся в конце списка, в двух случаях (грамоты из Масоды и Рамтека) выпущено по два, и в двух (грамоты из Сивани и Риддхапура) – по одному термину. Лишь в двух грамотах (Виндхьяшакти II из Басима - на пракрите и Прабхаватигупты из Пуны – первой из известных грамот Вакатаков), порядок перечисления (тех же 9 *иммунитетов*) выглядит ещё не сформированным.

Строгая последовательность изложения *иммунитетов* (характерная, между прочим, и для дарений Сатаваханов), присущая, скорее, текстовой систематизации, позволяет сомневаться, насколько реально они отражали права, предоставляемые получателю дарения. При этом нельзя не учитывать, что сами дарения, упомянутые в грамотах весьма неравноценны. Хотя чаще всего идет речь о дарении деревни (16 случаев, из них один - дарение двух деревень), имеют место и объекты дарения значительно меньшие - 25 нивартан, 20,5 нивартан земли, поле с хижинкой и т.д. И в каждом случае получатель имеет один и тот же объем льгот, в том числе и *освобождение от царской прерогативы на рудники и использование деревьев Кхадира*⁶, *право на клады и все виды податей*, *освобождение от царской прерогативы на копку соли* и др. Кажется очевидным, что владельцы деревни и одного поля, различных мелких участков не могли иметь полностью аналогичных льгот, как, впрочем, и то, что по отношению к мелким владельцам - некоторые *иммунитеты* выглядят, по меньшей мере, странными (кроме выше перечисленных, назовем, например, *освобождение от обязанности доставлять траву, шкуры для сидений и древесный уголь*). Возможно, как и в ряде иных случаев, в эпиграфическом памятнике мы имеем дело с достаточно жесткой сложившейся

традиционной формулировкой (назвать которую канцелярским формуляром трудно, поскольку сомнительным выглядит факт существования самой канцелярии), употребляемой по отношению к любому дарению. И, соответственно, мы не можем уверенно судить о достоверности содержащейся в этой части грамот информации. Вместе с тем, основываясь на приведенных в настоящей работе сведениях относительно общего уровня развития индийского общества и государства того времени, можно, также, сомневаться, что *иммунитеты*, как таковые, были в IV – V вв. н.э. для него новым явлением⁷ – вся общественная структура была ориентирована на максимум автономии любой существующей организации. Деревенские и городские общины, различные межобщинные территориальные организации, объединения, мелкие царства и пр. – весь спектр социально политических организаций, естественно, стремился решать свои дела самостоятельно, в том числе и проблемы затрагивающие более высокие по уровню структуры (сбор податей, обеспечение войска). Чаще всего, видимо, так и было. Однако, фискальный и судебный иммунитеты, которыми обладали как организации, так и частные лица, не были и, скорее всего, не могли быть полными – этому противоречат сами дарения.⁸ Более точного понимания содержания и смысла иммунитетных формул (как, впрочем, и дарительных грамот в целом, дарения, как феномена) можно достичь лишь в рамках широкого исследования проблем формирования и эволюции эпиграфического текста. Первичный текстологический анализ структуры и содержания грамот Вакатаков позволил нам на ряде примеров показать необходимость такового.

Примечательно, что отдельные тексты позволяют даже ставить вопрос о том, насколько они были царскими дарениями, сомневаться в полной достоверности восстановления механизма дарения. Так при всем сходстве содержания и фразеологии, грамота от 18 года правления Праварасены II фиксирует дарение 8000 нивартан земли, совершенное царем **по просьбе Кондараджи, сына Шатругхнараджи**, грамота из Паттана фиксирует дарение 400 нивартан храму Вишну **по просьбе Нараянараджи**, грамота из Масоды - дарение совершенное **по просьбе главной царицы**, в грамоте из Индора оформлено, видимо, **совместное дарение царя и торговца** Чандры (!), которому, (что исключительно важно) достается, как следует из текста, даже половина (!) духовной заслуги за совершение дарения, а грамота из Тхальнера фиксирует дарение Харишены Вакатака, **разрешенное** (или **одобренное**) Гомикараджей, **иным царем**.

1 Термин можно переводить и как перекресток. В двух из четырех случаях фигурирует Uṭṭara-paṭṭa. Д.Ч.Сиркар справедливо переводит этот термин group of villages. Единственно в чем с ним нельзя согласиться, что это понятие можно одновременно толковать, как дистрикт. [back](#)

2 Примечательно, что Д.Ч.Сиркар приводит в словаре такие термины, как kaṭaka-nāyaka, kaṭaka-rāja и пр. [back](#)

3 Структура выражений с использованием этих терминов в ряде случаев прозрачна - по дороге к городу Шелапура, Śelapura-mārga (или Шайлапура, Śaila-pura-mārga, в другом случае), по дороге к деревне Варадахета, Varadākheṭa-mārga, по западной дороге Падмапуры, Aparā-mārga Padmapurasya, по восточной дороге из Падмапуры, Padmapura purva-mārga и т.д.; [back](#)

4 В ряде случаев грамоты Вакатаков фиксируют не царские дарения, о чем иногда говорится прямо. [back](#)

5 Скорее всего, грамоты не фиксируют реальные, конкретные льготы, а декларируют некий общий традиционный набор должных парихар. Это подкрепляется и текстологическим анализом грамот, приведенным ниже. [back](#)

6 Чтобы не перегружать текст, мы приводим традиционный перевод терминов (весьма неоднозначный и в ряде случаев спорный). [back](#)

7 Как мне представляется, это подтверждает факт присутствия льгот уже в первых известных нам грамотах Сатаваханов (первые века н.э.). [back](#)

8 Т.е., по сути, вторжение царя или иного лица в дела местных организаций. Известны случаи, когда дарилась земля или деревня, ранее подаренная иному, дарения, где обозначены лица ранее владевшие (pūrva-bhūjyamānaka) подаренной землей или деревней. Кроме того, при запрете для царских слуг (chāṭa bhāṭa) вступать на территорию дарения, нередки оговорки – кроме дел о воровстве и пр. [back](#)